

Александр Егорович ЕПИФАНОВ

доктор юридических наук, профессор

Академия управления МВД России (г. Москва)

главный научный сотрудник научно-исследовательского центра

mvd_djaty@mail.ru

Научная статья
УДК 343.81

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РАЗМЕЩЕНИЯ АРЕСТАНТОВ ПО ОБЩЕЙ ТЮРЕМНОЙ ИНСТРУКЦИИ 1915 ГОДА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Пенитенциарная система, прием арестантов, Общая тюремная инструкция 1915 года, классификация заключенных, права арестантов, карантин, несовершеннолетние в местах заключения.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Момент поступления арестанта в место заключения представляет собой точку, в которой нормы пенитенциарного права соприкасаются с реальной судьбой конкретного человека. От качества документального оформления зависит законность содержания, от санитарных мер при поступлении – здоровье тюремной общины в целом, от порядка обращения с имуществом – сохранность личных ценностей заключенного. Актуальность темы исследования, результаты которого представлены в статье, определяется историко-правовой значимостью дореволюционного пенитенциарного опыта и потребностью науки уголовно-исполнительного права в осмыслении эволюции механизмов правовой защиты лиц, лишенных свободы. **Методы.** Исследование опиралось на непосредственное изучение текста Общей тюремной инструкции 1915 года, архивных материалов Государственного архива Саратовской области и Государственного архива Волгоградской области, вводимых в научный оборот впервые. Применялись исторический, системный и сравнительно-правовой методы в сочетании с диалектическим подходом. **Результаты.** Установлено, что рассматриваемая инструкция закрепила целостный правовой механизм приема и размещения арестантов, включавший: исчерпывающую классификацию лиц, подлежащих содержанию под стражей; документальные гарантии законности задержания с обязательным прокурорским уведомлением при отсутствии надлежащих бумаг; детальные санитарные процедуры, применяемые при поступлении, в том числе четырнадцатидневный карантин и медицинский осмотр в течение суток; многоступенчатую защиту имущественных прав арестантов; дифференцированное распределение по камерам с учетом правового положения, пола, возраста и судимости. Медицинское заключение тюремного врача приобретало юридически значимый характер: оно становилось основанием для изменения режима содержания в интересах охраны здоровья арестанта. Показано несоответствие между нормативным стандартом и реальной практикой, которое было обусловлено хроническим переполнением тюрем.

ВВЕДЕНИЕ

В дореволюционной России поступление арестанта в место заключения являлось процедурой, в рамках которой отвлеченные нормы пенитенциарного права обретали конкретное воплощение в судьбе живого человека. Три обстоятельства делали ее особенно значимой с правовой точки зрения. Во-первых, качество документального оформления определяло законность (или незаконность) самого задержания. Во-вторых, са-

нитарное состояние поступающего непосредственно влияло на здоровье всей тюремной общины: тюрьма была пространством постоянной угрозы возникновения эпидемии, и каждый новый арестант мог стать ее источником. В-третьих, поступление в заключение означало изъятие имущества, нередко составлявшего единственный материальный ресурс семьи арестованного. Поэтому неслучайно раздел Общей тюремной инструкции, утвержденной Министром юстиции 28 декабря

Alexander Y. EPIFANOV

Doctor of Law, Professor

Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow, Russia)

Chief Researcher of the Research Center

mvd_djaty@mail.ru

ADMISSION AND PLACEMENT OF PRISONERS UNDER THE GENERAL PRISON INSTRUCTION OF 1915: LEGAL MECHANISMS AND GUARANTEES

KEYWORDS. Penitentiary system, prisoner admission, General prison instruction of 1915, prisoner classification, prisoner rights, quarantine, juvenile offenders in custody.

ANNOTATION. *Introduction.* The moment a prisoner enters a prison facility represents the point at which the norms of penitentiary law come into contact with the actual fate of a specific individual. The legality of detention depends on the quality of documentation, the health of the prison community as a whole depends on sanitary measures upon admission, and the safety of the prisoner's personal valuables depends on the procedure for handling property. The relevance of the research topic, the results of which are presented in the article, is determined by the historical and legal significance of the pre-revolutionary penitentiary experience and the need for the science of criminal-executive law to understand the evolution of mechanisms for the legal protection of persons deprived of their liberty. *Methods.* The study was based on a direct study of the text of the General prison Instruction of 1915, archival materials from the State Archives of the Saratov Region and the State Archives of the Volgograd Region, introduced into scientific circulation for the first time. Historical, systemic, and comparative legal methods were used in combination with a dialectical approach. *Results.* It was established that the instruction in question established a comprehensive legal mechanism for the admission and placement of prisoners, including: a comprehensive classification of individuals subject to detention; documentary guarantees of the legality of detention, with mandatory notification to the prosecutor in the absence of appropriate documentation; detailed sanitary procedures upon admission, including a fourteen-day quarantine and a 24-hour medical examination; multi-level protection of prisoners' property rights; differentiated cell assignment based on legal status, gender, age, and criminal record. The prison doctor's medical report acquired legal significance: it became the basis for changing the detention regime in the interests of protecting the prisoner's health. A discrepancy between the normative standard and actual practice, caused by chronic prison overcrowding, is demonstrated.

1915 года¹ (далее – Инструкция), посвященный приемным процедурам, отличается столь значительным объемом нормативного текста: именно на этом этапе уголовно-исполнительного процесса разрыв между установленными требованиями и практикой их реализации был наиболее вероятен.

Изучение нормативно-правовых основ пенитенциарной системы Российской империи по-прежнему не утрачивает научной актуальности. Инструкция 1915 года, подведшая итог более чем тридцатилетней систематизации тюремного законодательства, является одним из наиболее зрелых памятников дореволюционного пенитенциарного права. Вместе с тем отметим, что процессуальное измерение приема заключенных – как юридически значимая совокупность действий, определявших законность и условия содержания с первых часов пребывания в тюрьме, – в историко-правовой литературе ранее не рассматривалось. Этот пробел предопределил научную новизну проведенного нами исследования. Его результаты представлены в настоящей статье.

Историографическое освещение темы отличается неравномерностью. Труды дореволюционных правоведов Н.С. Таганцева [1] и И.Я. Фойницкого [2] касались приемных процедур лишь в контексте общих вопросов уголовного судопроизводства. Из авторов того времени, обращавшихся к изучению тюремного быта, наиболее содержательное описание практики поступления в заключение оставили В.Н. Никитин [3] и Д.А. Линева [4]. С.В. Познышев [5] и С.К. Гогель [6], подходя к теме с позиций

научного тюремоведения, рассматривали условия содержания прежде всего сквозь призму необходимости решения задач исправления осужденных. Советская точка зрения на историю царской тюрьмы была представлена в многотомной монографии М.Н. Гернета [7]. Здесь приемные процедуры подвергались критике, акцент делался на их унижительном и произвольном характере. В постсоветский период М.Г. Детков [8], Л.Ф. Пертли [9] и В.И. Алексеев [10] на основе исследования широкого круга нормативных источников сформировали более взвешенное представление о дореволюционной практике приема арестанта в место заключения. Системное изучение тюремных инструкций в историческом контексте осуществляли Л.П. Рассказов и И.П. Упоров [11, 12]. Правовое регулирование содержания отдельных категорий арестантов исследовала Н.И. Биюшкина [13]. Региональная специфика обеспечения прав заключенных в тюрьмах Саратовской губернии на рубеже XIX-XX веков рассмотрена в работе А.Е. Епифанова и Е.М. Павленко [14].

МЕТОДЫ

Исследование опиралось на непосредственное изучение текста Общей тюремной инструкции 1915 года. Источниками информации стали также архивные документы фондов № 655 (Тюремное отделение Саратовского губернского правления), № 446 (Саратовская губернская тюрьма) Государственного архива Саратовской области (далее – ГАСО), а также фондов № 161 (Царицынская уездная тюрьма), № 290 (Камышинская уездная тюрьма).

¹ Общая тюремная инструкция. Утверждена Министром юстиции 28 декабря 1915 г. Пг., 1916. 110 с.

ма) Государственного архива Волгоградской области (далее – ГАВО). Значительная часть проанализированных нами архивных документов вводится в научный оборот впервые. В качестве дополнительных источников информации были использованы Свод законов Российской империи (т. XIV)¹ и Сборник циркуляров Главного тюремного управления².

В ходе исследования применялись исторический, системный и сравнительно-правовой методы в сочетании с общенаучными методами анализа и синтеза. Диалектический подход позволил рассматривать нормативные предписания Инструкции в неразрывной связи с реальной практикой их применения, отраженной в архивных материалах. Именно это способствовало выявлению разрыва между нормативным идеалом и ресурсными ограничениями дореволюционной тюремной системы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Классификация лиц, подлежащих содержанию, и время приема

Инструкция открывала раздел о внутреннем тюремном распорядке установлением исчерпывающего перечня категорий лиц, подлежащих содержанию в местах заключения гражданского ведомства (ст. 130). В их числе значились: взятые под стражу в качестве предупредительной меры; осужденные к различным видам лишения свободы и ссылке; подвергнутые административному аресту; пересыльные; несостоятельные должники. Данная классификация воспроизводила сложившуюся к тому времени типологию оснований лишения свободы и имела принципиальное практическое значение: принадлежность к той или иной категории определяла режим содержания и порядок распределения по камерам.

В ст. 131 закреплялось время приема и разграничивались категории арестантов по доступности данной процедуры. Лица, находившиеся под следствием или судом, а также прибывавшие этапом пересыльные и больные принимались ежедневно и в любое время суток – без ограничений. Срочные арестанты и лица, доставленные из арестантских помещений при полиции, принимались ежедневно, кроме воскресных и непроступивших дней, в часы работы тюремной конторы. Такое разграничение диктовалось, с одной стороны, недопустимостью откладывания помещения под стражу тех, кого требования судопроизводства обязывали принимать немедленно, и практическими соображениями (невозможностью оформить прием вне рабочего времени конторы) – с другой. Архивные материалы Царицынской уездной тюрьмы подтверждают, что ночной прием этапных партий являлся обыденной практикой³.

Документальные основания приема и гарантии законности

Перечень документов, служивших основанием для приема, регламентировали ст.ст 133-134: статейные списки, открытые листы, исполнительные

листы, копии приговоров и постановлений судебных, следственных, административных и военных властей. Вместе с тем ст. 134 допускала прием при наличии иных бумаг, устанавливая при этом важнейшую процессуальную гарантию: если в течение суток после доставления арестанта надлежащий документ не поступал, начальник места заключения был обязан немедленно затребовать его и одновременно уведомить наблюдающего товарища прокурора. Этот механизм представлял собой встроженный правовой контроль над законностью задержания. Не гарантируя немедленного освобождения при отсутствии документов, он создавал устойчивый административный и надзорный импульс к их своевременному представлению.

В ст. 135 закреплялся особый порядок приема арестантов, доставленных в нетрезвом состоянии. Те, кто прибывал непосредственно из арестантских помещений при полиции или арестных домов, тюрьмой не принимались. В иных случаях они помещались отдельно от прочих заключенных, а начальник безотлагательно уведомлял учреждение, передавшее арестанта. Данная норма преследовала двойную цель: ограждение тюремной среды от дезорганизующего влияния и документальную фиксацию состояния прибывшего для последующего установления причин нетрезвости.

Дети, доставленные

с арестованными родителями

Инструкция устанавливала дифференцированный подход к судьбе детей, доставленных вместе с арестованными (ст. 136). Логика нормы определялась принципом минимального разрушения семейных связей при одновременной защите ребенка от тюремной среды. Младенцы в возрасте до 18 месяцев оставались при матерях. Дети от полутора до семи лет могли оставаться при родителях до устройства в приют или к благонадежным лицам. Дети старше семи лет, кроме следовавших в ссылку или пересылку совместно с родителями, в тюрьму не принимались и немедленно передавались местной полиции. В исправительно-арестантские отделения дети не допускались ни в каком возрасте. Такой подход воплощал признание того, что ребенок не должен разделять условия заключения родителя, кроме случаев, когда разлучение с матерью грозило жизни грудного младенца. Архивная переписка Саратовской губернской тюрьмы фиксирует случаи передачи детей заключенных в городские приюты⁴.

Регистрация вновь поступивших

и санитарные процедуры

В ст. 137 была регламентирована регистрация: сведения о поступившем лице заносятся в приемную книгу и алфавит, а о срочном арестанте – дополнительно в книгу сроков с объявлением даты истечения наказания. На каждого, кроме пересыльных, заводилось особое дело. Значение этих требований принципиально: документация обеспечивала юридическую прозрачность пребывания в тюрьме, служила основой прокурорского надзора

¹ Свод законов Российской империи. Т. XIV. Уставы о содержащихся под стражей и о ссыльных. СПб, 1890. 909 с.

² Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879-1910 гг. Ч. 1. СПб, 1911. 461 с.

³ ГАВО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 14. Л. 27.

⁴ ГАСО. Ф. 446. Оп. 1. Д. 9. Л. 12-13.

и исключала возможность бессрочного содержания без документального следа. Проверки приемных книг фигурируют в актах ревизий Камышинской тюрьмы как обязательный элемент инспекции¹.

Инструкция обязывала изолировать вновь принятых арестантов (ст. 138): они содержались в обособленных камерах в течение четырнадцати дней. Этот карантинный срок обеспечивал реализацию двух функций: санитарной (предотвращение заноса инфекций) и процессуальной (изоляция следственных арестантов от лиц, осведомленных об их деле). Впрочем, соблюдение такого карантина было весьма затруднительно по причине хронического переполнения тюрем. В Саратовской губернии еще в начале 1880-х годов на одно тюремное место приходилось 2,5 заключенного [14, с. 1913], и выделение отдельных карантинных камер нередко оказывалось физически невозможным, о чем свидетельствует переписка, хранящаяся в фондах ГАСО².

Статья 139 закрепляла обязательность медицинского осмотра всех вновь поступающих арестантов – по возможности немедленно, но не позднее 24 часов с момента прибытия. Лица с явными признаками болезненного состояния или отличающиеся особой нечистоплотностью немедленно должны были обособляться от прочих заключенных. Установление предельного срока проведения осмотра было существенной гарантией обеспечения права на охрану здоровья, действовавшей с момента поступления в тюрьму. Кроме того, осмотр позволял формировать документальную базу для последующих претензий при ухудшении здоровья. Впрочем, вызывает сомнения, что данная норма неукоснительно соблюдалась, в частности в уездных тюрьмах: например, в Царицынской тюрьме обязанности врача исполнял фельдшер³. Тем не менее нормативное закрепление требования сохраняло юридическую значимость, так как оно создавало стандарт, по которому реальная практика могла измеряться и оцениваться.

В соответствии с положениями ст. 140 после медицинского осмотра все вновь принятые арестанты (кроме тех, кому врач дал особые указания) мылись в бане, ванне или под душем, облачались в чистое казенное белье и платье (если не имели права носить собственную одежду или она была недостаточно чиста). После этого арестанты размещались по отведенным камерам, на каждого из них заводился санитарный листок. В процедуре обязательного омовения соединялись две функции: санитарная (предотвращение занесения паразитов) и символическая (унификация внешнего вида нивелировала социальные различия между заключенными). Показательно, что Инструкция допускала использование собственной одежды при условии ее чистоты и исправности, тем самым сохраняя элемент личной идентичности арестанта.

Противодействие эпидемическим угрозам

Начальник места заключения наделялся Инструкцией (ст. 141) дискреционными полномочиями

на случай возникновения чрезвычайных санитарных обстоятельств. При появлении в тюрьме или в окружающей ее местности опасной эпидемии (холера, оспа, тиф) он по согласованию с врачом принимал особые меры предосторожности против занесения заболевания через вновь прибывавших. Такой подход – ситуационное усмотрение вместо жесткой регламентации – закономерен: единый общеимперский акт при всей своей детальности не мог заранее предусмотреть специфику каждого учреждения. Тема противодействия эпидемиям не была отвлеченной: Главное тюремное управление неоднократно рассылало циркуляры о мерах против тифа и туберкулеза⁴, а Саратовскому губернатору особо предписывалось обеспечивать надлежащие санитарные условия в местах заключения⁵.

Имущество арестанта при поступлении

Самостоятельный нормативный блок, посвященный обращению с имуществом заключенного, образовывали ст.ст. 142-150 Инструкции. Из того, что было при арестанте в момент доставления его в место заключения, принимались: деньги, ценные вещи и документы; носильное белье и постельные принадлежности в допустимых пределах; мелкие малоценные вещи, признанные начальником необходимыми для арестанта. Все прочие предметы передавались в распоряжение местной полиции, если арестант не мог организовать их самостоятельную пересылку. Наличие нормативно закрепленного перечня ограничивало произвол при изъятии вещей и создавало правовую основу для их возврата при освобождении.

Статья 143 регламентировала процедуру добровольного декларирования денег и ценностей. Арестанту объявлялось, что в случае обнаружения при обыске непредъявленных им денег он может быть лишен права расходовать их на улучшение условий содержания – вплоть до освобождения. Данный механизм побуждал к раскрытию имущества, одновременно снижая риск допущения злоупотреблений при обыске. Согласно ст. 144 начальник был обязан по просьбе арестанта вносить принадлежавшие тому деньги в государственную сберегательную кассу. Документы, удостоверявшие права состояния или по имуществу, вкладывались в запечатанный конверт, подшивавшийся к делу об арестанте.

Инструкция требовала производить опись и оценку каждой принятой вещи с отметкой о том, кто осуществлял оценку (ст. 146). Арестанту предлагалось заверить правильность оценки подписью; при несогласии начальник вносил соответствующую отметку в книгу записи вещей. Такая книга подлежала регулярному просмотру губернским тюремным инспектором: в уездных тюрьмах – при каждом посещении. Многоступенчатая система – подписная процедура, право несогласия и инспекционный контроль – образовывала действенный механизм защиты имущественных прав арестанта. Ответственность в случаях утраты или порчи одежды возлагалась на чинов тюремной

¹ ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 4. Л. 60.

² ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 396. Л. 34.

³ ГАВО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 14. Л. 38.

⁴ ГАВО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 14. Л. 27-38.

⁵ ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 34. Л. 15.

администрации (ст. 149). Каждому арестанту не позднее следующего после прибытия дня выдавались именная книжка и металлический номерной знак (ст. 150).

Ознакомление с личностью и распределение по камерам

Начальник места заключения до помещения арестанта в камеру должен был ознакомиться с его личностью по документам и путем личных расспросов (ст. 151). Сведения о прибывшем заносились в статистический листок: возраст, происхождение, судимость, поведение, семейное и имущественное положение, знание ремесла, уровень грамотности. Затем арестанту объявлялись основные правила содержания с указанием на необходимость их строгого соблюдения.

Принцип раздельного содержания закреплялся в ст. 153, отличавшейся значительной детализацией нормативных установлений. Инструкция предписывала разграничивать арестантов по полу, возрасту, судимости, разрядам (испытуемые, исправляющиеся и прочие) и срокам заключения. Находившихся под следствием или судом категорически запрещалось содержать в общих помещениях с иными заключенными, а обвиняемых по одному делу – совместно. Пересыльные должны были размещаться в обособленных помещениях, рецидивисты – отдельно от впервые осужденных (там, где это позволяла инфраструктура). Взятые под стражу на основании положений об охране государственного порядка содержались, по возможности, в одиночном заключении.

Впрочем, существовало исключение из этого правила: если тюремный врач устанавливал, что одиночное содержание угрожает серьезным вредом здоровью арестанта, тот переводился в общую камеру (ст. 154). В отношении следственных арестантов такой перевод требовал согласия наблюдающего товарища прокурора или соответствующих судебных властей. В этой норме воплощался принцип приоритета охраны здоровья над процессуальными интересами изоляции. Медицинское заключение тюремного врача приобретало юридически значимый характер: оно становилось основанием для изменения режима содержания вопреки общим правилам.

Особый режим для несовершеннолетних

Примечание к ст. 153 устанавливало, что в целях присмотра за находящимися в тюрьме несовершеннолетними в их камеру допускалось помещать «преимущественно престарелых арестантов хорошего поведения». Данное компромиссное решение обуславливалось отсутствием в большинстве пенитенциарных учреждений обособленных мест для несовершеннолетних и признанием того, что юный заключенный нуждается в особом попечении. Вопрос об устройстве исправительных заведений для малолетних правонарушителей занимал отечественных исследователей еще в конце XIX века [15], однако его системное нормативное решение осталось за пределами положений Инструкции 1915 года.

ОБСУЖДЕНИЕ

Системный анализ приемных процедур, закрепленных в разделе II Инструкции, позволил

выявить четыре взаимосвязанных смысловых блока. Первый – законность задержания: требование надлежащих документов, механизм прокурорского уведомления, точная регистрация в установленных книгах. Второй – санитарная защита: обязательный медицинский осмотр в течение суток, четырнадцатидневный карантин, немедленная изоляция больных, обязательное омовение и переодевание, ведение индивидуального санитарного листка. Третий – имущественные права: подробная опись, право на несогласие с оценкой, хранение документов в запечатанном конверте, возможность внесения денег в сберегательную кассу. Четвертый – дифференцированное распределение: разделение заключенных на категории, защита следственных арестантов от общей камеры, ограничение одиночного заключения по медицинским основаниям, особое попечение о несовершеннолетних.

Принципиально важно, что медицинское заключение врача пронизывает несколько из этих блоков одновременно. Оно определяет первоначальный санитарный статус прибывшего (ст. 139), служит основанием для особых указаний по одежде (ст. 140), может изменять режим камерного содержания (ст. 154). Такое его системное значение свидетельствует о формировании в Инструкции 1915 года зачатков медицинско-правовой доктрины пенитенциарной системы, в рамках которой охрана здоровья арестанта воспринимается как юридически защищаемый интерес, способный ограничивать административное усмотрение.

Вместе с тем архивные материалы демонстрируют разрыв между нормативным идеалом и реальностью. Переполненность тюрем делала невозможным полноценное соблюдение карантина; отсутствие врача в уездных тюрьмах ставило под сомнение выполнение требования о проведении медицинского осмотра в течение суток после прибытия в место заключения; нехватка камер препятствовала размещению арестантов разных категорий по отдельности. Тем не менее подчеркнем, что подробность описания правового стандарта помогла сформировать представления о том, как оценивать реальную практику оценивалась: отступление от него документировалось, становилось предметом инспекционных претензий и могло служить основанием для должностной ответственности [9]. И это важнейшая правовая функция нормы – задавать направление движения даже там, где немедленное достижение идеала невозможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты анализа положений второго раздела Общей тюремной инструкции 1915 года о порядке приема и размещения арестантов позволяют констатировать, что рассматриваемый документ закрепил юридически зрелый и детально проработанный комплекс процедур, реализуемых при поступлении человека в место заключения. В нем органично сочетались механизмы контроля над законностью задержания, санитарной защиты тюремной среды, охраны имущественных прав заключенных и дифференцированного распределения по камерам с учетом правового положения,

пола, возраста и судимости. Показательно, что медицинское заключение тюремного врача наделялось юридически значимыми последствиями: в интересах охраны здоровья арестанта оно могло влиять на режим содержания, ограничивая административное усмотрение нормативно обеспеченным правозащитным барьером.

Инструкция 1915 года воплощала убеждение, все настойчивее утверждавшееся в пенитенциарной реформаторской мысли рубежа XIX-XX веков: заключенный является не только объектом карательного воздействия, но и субъектом, за

которым право признает определенный, хотя и существенно ограниченный, круг охраняемых интересов. Уже в самой приемной процедуре – в требовании документов, в обязательности медицинского осмотра, в запечатывании конверта с личными бумагами арестанта – прочитывается именно такое понимание. Разрыв между нормой и практикой, обусловленный переполнением тюрем и нехваткой ресурсов, не опровергает эту оценку: стандарт, к которому следовало стремиться, был сформулирован ясно и стал нормативно обязательным. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: Монография / 2-е изд. СПб, 1902. 256 с.
2. Фойницкий И.Я. Курс русского уголовного судопроизводства: Монография. Т. 2. СПб, 1884. 664 с.
3. Никитин В.Н. Тюрма и ссылка: Монография. СПб, 1880. 674 с.
4. Линева Д.А. В пересыльной тюрьме: Монография. СПб, 1880. 350 с.
5. Познышев С.В. Очерки тюремного содержания: Монография. М., 1915. 295 с.
6. Гогель С.К. Арестантский труд в русских и иностранных тюрьмах: Монография. М., 1897. 134 с.
7. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: Монография. Т. 3. М., 1961. 430 с.
8. Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения: Монография. М., 1994. 119 с.
9. Пертли Л.Ф. Организационно-правовые основы условий содержания заключенных в дореволюционной России: Монография. М., 2011. 200 с.
10. Алексеев В.И. Тюремная реформа в России 1879 года: Монография. М., 2004. 554 с.
11. Упоров И.П. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв.: Монография. СПб, 2004. 610 с.
12. Рассказов Л.П., Упоров И.П. Тюремные инструкции в Российской империи: Монография. Краснодар, 1999. 57 с.
13. Билюшкина Н.И. Правовое регулирование условий содержания политических преступников в Российской империи в период правления Александра III // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 2. С. 140-146.
14. Епифанов А.Е., Павленко Е.М. Из истории обеспечения прав заключенных в тюрьмах Российской империи на рубеже XIX-XX вв. (по материалам Саратовской губернии) // Былые годы. 2021. № 16 (4). С. 1910-1921.
15. Красовский М.И. Вопросы устройства русских исправительных заведений для несовершеннолетних: Монография. Саратов, 1900. 219 с.

REFERENCES

1. Tagantsev N.S. Russkoye ugodovnoye pravo. Chast' obshchaya: Monografiya / 2-ye izd. SPb, 1902. 256 s.
2. Foynitskiy I.Ya. Kurs russkogo ugodovnoye sudoproizvodstva: Monografiya. T. 2. SPb, 1884. 664 s.
3. Nikitin V.N. Tyur'ma i ssylka: Monografiya. SPb, 1880. 674 s.
4. Linev D.A. V peresyl'noy tyur'me: Monografiya. SPb, 1880. 350 s.
5. Poznyshchev S.V. Ocherki tyur'movedeniya: Monografiya. M., 1915. 295 s.
6. Gogel' S.K. Arestantskiy trud v russkikh i inostrannykh tyur'makh: Monografiya. M., 1897. 134 s.
7. Gernet M.N. Istoriya tsarskoy tyur'my: Monografiya. T. 3. M., 1961. 430 s.
8. Detkov M.G. Nakazaniye v tsarskoy Rossii. Sistema yego ispolneniya: Monografiya. M., 1994. 119 s.
9. Pertli L.F. Organizatsionno-pravovyye osnovy usloviy soderzhaniya zaklyuchennykh v dorevolutsionnoy Rossii: Monografiya. M., 2011. 200 s.
10. Alekseyev V.I. Tyuremnaya reforma v Rossii 1879 goda: Monografiya. M., 2004. 554 s.
11. Uporov I.P. Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII-XX vv.: Monografiya. SPb, 2004. 610 s.
12. Rasskazov L.P., Uporov I.P. Tyuremnnyye instruktsii v Rossiyskoy imperii: Monografiya. Krasnodar, 1999.
13. Biyushkina N.I. Pravovoye regulirovaniye usloviy soderzhaniya politicheskikh prestupnikov v Rossiyskoy imperii v period pravleniya Aleksandra III // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2011. № 2. S. 140-146.
14. Yepifanov A.Ye., Pavlenko Ye.M. Iz istorii obespecheniya prav zaklyuchennykh v tyur'makh Rossiyskoy imperii na rubezhe XIX-XX vv. (po materialam Saratovskoy gubernii) // Bylyye gody. 2021. № 16 (4). S. 1910-1921.
15. Krasovskiy M.I. Voprosy ustroystva russkikh ispravitel'nykh zavedeniy dlya nesovershennoletnikh: Monografiya. Saratov, 1900. 219 s.

© Епифанов А.Е., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Епифанов А.Е. Порядок приёма и размещения арестантов по Общей тюремной инструкции 1915 года // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (85). С. 129-134.